

УДК 378:1
ББК 74.58+87.25
DOI 10.22394/1682-2358-2020-2-76-85

V.A. Ruchin, *Head of the Chinese Centre of Yuri Gagarin Saratov State Technical University*

A.V. Ruchin, *sociologist at NORMTSMI of Yuri Gagarin Saratov State Technical University*

EDUCATION SYSTEMS IN CONTEMPORARY SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The state of society, connected with the consequences of internal radical changes, is analyzed. It is intensified by external factors, which caused the revision of conceptual bases in the established social-philosophical approach to the institute of education. Firstly, the sources of revision of the ideal of social order formed in the Soviet period and the image of an ideal citizen are studied. The rapid socio-cultural dynamics that led to the editing of the system of values and the transitory management of the social structure are assessed.

Key words and word-combinations: Russian civilization, education sphere, philosophy of education, triad of the ideal, phenomenon, institution.

В.А. Ручин, *руководитель Китайского центра Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.*
(*email: r-vl@yandex.ru*)

А.В. Ручин, *социолог НОРМЦМИ СГТУ имени Гагарина Ю.А.* (*email: ralexey@inbox.ru*)

СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ*

Аннотация. Анализируется состояние общества, связанное с последствиями внутренних радикальных перемен, усиленное внешними факторами, породившими пересмотр концептуальных основ в сложившемся социально-философском подходе к институту образования. Исследуются истоки ревизии сформированного в советское время идеала социального порядка, а вместе с ним и образа идеального гражданина. Оценивается стремительная социокультурная динамика, которая привела к редактированию системы ценностей, транзитивности управления социальной структурой.

Ключевые слова и словосочетания: российская цивилизация, сфера образования, философия образования, триада идеального, феномен, институт.

Роль и место образования в транзитивном обществе — вопрос особенно важный в ситуации «масштабных социальных, эко-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-70023.

номических, технологических задач», — подчеркнул В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г. Транзитивность российского общества состоит в том, что оно за короткий исторический промежуток стремительно перешло от жесткой эгалитарной модели к хаосу этапа первоначального накопления капитала, жизни «без предела», затем к некоторой стабилизации и, наконец, к возрождению традиционных ценностей в условиях прессинга либерализма.

Актуальность темы определена запросом российского общества на перемены. «Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед в профессии, знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела» [1]. Для ответа на поставленный вопрос обратимся к анализу многомерного образовательного дискурса.

Рискогенность образовательного пространства [2, с. 16] требует монографичности его исследования в целях преодоления важного обстоятельства — отягощенности образовательного дискурса противоречивостью научных направлений, в которых просматривается стремление «перетянуть одеяло на себя», разделить сферу образования на сегменты, а самого человека на удобные для изучения «предметы». В связи с этим жизненно важно понять, образование — это рыночная услуга или фактор созидания человеческого начала в самом человеке, установить связь личного и общественного, а также выявить потенциал межкультурного диалога в условиях глобализации [2, с. 95—101].

Сегодня российское образование функционирует в условиях расщепленного целеполагания, осознать которое можно только через оттенки и смыслы, фиксированные в сложившейся социокультурной матрице сферы образования. В Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» трактовка образования представителю как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения» (п. 1 ст. 2). Признается общественная значимость образования как блага, констатируется результат в виде совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок. Культурный контекст развития человека в связи с удовлетворением его образовательных потребностей и интересов (п. 1 ст. 2) описан неполно. Федеральный закон регулирует общественные отношения, возникающие в сфере образования по поводу получения знаний, прежде всего с точки зрения равного доступа к ним различных категорий граждан.

Воспитание в существующей трактовке ориентировано «на развитие и самоопределение личности на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения» (п. 2 ст. 2). Ключевые слова «развитие личности», «принятые в обществе ценности» недостаточно ясно раскрывают смысл. Не до конца ясно, о каких социокультурных ценностях идет речь и на каких принципах согласовываются интересы человека, семьи, общества, государства. Требуется также разъяснения, как «социальное» должно сочетаться с «культурным» в условиях большого города или малого населенного пункта, страны в целом или национальной республики,

в частности. Если декларируется «социокультурный», следовательно, особый. Это значит, речь должна идти о культурном коде, исторически привязанном к цивилизации. Необходимо пояснить также, в чем этот код состоит для отдельных этносов и всего народа? На наш взгляд, при этом обойден мобилизационный, идеологический аспект. В результате нет полного ответа на вопрос, что подразумевается под направлением развития общества в духовно-нравственном смысле?

Понятие «обучение» в данном Федеральном законе трактуется как «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией...» (п. 3 ст. 2). Однако не понятно, кому принадлежит приоритетная роль, а вместе с ней и ответственность за результаты образовательной деятельности? Понятие «система образования» сформулировано как порядок, создающий условия «для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ» (п. 7 ст. 10). Следовательно, система образования — это необходимый набор образовательных стандартов, образовательных учреждений, информационных ресурсов, участников учебно-воспитательного процесса. Требуют разъяснения и отличия понятия «система образования» от упомянутого в тексте Закона, но не раскрытого по существу понятия «сфера образования». Если система образования — интеграция, то каким образом консолидируются ценностно-ориентированные факторы? Значит ли это, что процесс консолидации ценностей в рамках повседневной жизни не до конца разрешен, или он закреплен за сферой образования? Налицо чисто технологический подход к образованию и приоритет знаний над воспитанием.

Сегодня выделено позитивистское отношение к образованию, декларативно обоснованное гуманистической позицией к главному объекту деятельности системы образования — Человеку разумному, априори нуждающемуся в разнообразных знаниях. Такое обращение к понятиям «гуманистический» и «гуманизм» можно рассматривать как спорное и противоречивое [3].

Однако философский подход к образованию построен иначе и берет свое начало из истории обращения к данному феномену, который, по мнению М. Хайдеггера, через слово отражает сущее [4, с. 93], и в этом контексте «образование» есть категория, обозначающая глубокий смысл этого феномена. Соответственно, образование есть категория, обнаруживающая и обозначающая смысл бытия сущего. В связи с этим образование можно интерпретировать как наличие сущего с двух позиций: образование в «широком» и образование в «узком» смысле.

Под образованием в широком [5] смысле понимается масштабное взаимодействие участников образовательного процесса, где «широкий» смысл включает исторический контекст, выражающий ведущие тенденции социокультурного развития народа и его общественного устройства. Такое устройство обладает определенной закономерностью, имманентно связанной с национальным менталитетом. В понятии «образование» соединяются сущ-

ность человека: его архетипические особенности, цивилизационная специфика освоения и преобразования природной среды и общества. Кроме того, образование — это бесконечный мир идей, господствующих в данном типе цивилизации, представляющей собой калейдоскопичность, многослойность потенциальных вариантов социокультурной ситуации [6].

Образование в узком [5] смысле есть субъективный мир личности, сфера внутренних идей, скрепленных волевыми усилиями. По существу, это субъективный, определяющий будущее «мирок» [7, с. 761], трактуемый как внутреннее бытие человека. В этом внутреннем бытии субъективность есть главный фактор мировоззренческих установок, включающий оценку предметного мира. Селекция приоритетных представлений, предлагаемых социумом, осуществляется человеком сугубо лично, на основе самобытности личности, ее проявления через взаимосвязь объективного и субъективного.

Внутреннее бытие человека, его объективно-субъективная деятельность перманентно находится в состоянии экзистенциальной неопределенности, трансформирующейся в ключевой фактор повседневности — рискогенность [8]. Опасность рисков на фоне новых вызовов социума бесконечно погружает человека в глубокие переживания, связанные с жизненным выбором, необходимостью обновления воззрений, а следовательно, требует дополнительных волевых усилий на базе определенных знаний.

Сущность человека заключена в рациональности его волевых усилий, направленных на реализацию личных стратегий. Образование в узком смысле для человека есть «возрастание» к гуманности [9, с. 286–288], преодоление природного, движение от единичного к «всеобщему» [10, с. 356]. Развитие образованности и преодоление «образованщины» позволяет достичь власти над миром. По существу образование — это не столько обучение, сколько совершенствование духовных качеств человека, его отказ от личного, эгоистичного ради всеобщего.

Философский анализ позволяет поднять концепт «образование» до масштаба социального явления, когда изучение феномена «образование» предполагает переход от его утилитарной оценки к философскому осмыслению. Это позволяет увидеть процесс становления человека в культурном пространстве, объединенном главной ценностью той или иной цивилизации [11, с. 429]. Социокультурное пространство определяет ценностную ориентацию человека и следование правилам идентичности интерпретированной определенной логикой образования [12, с. 142–149; 13].

Стремление человека к возвышенному образу, либо поднимает общество на нравственную вершину, либо низвергает, когда человек отмежевывается от идеального образа [14, с. 359]. Если забыть об этом, то обыденность, как некультивируемые растения, стремительно забивает свободное для развития образовательное пространство.

Начало акта образования — это преодоление неопределенности индивидуального сознания посредством рефлексии, где достижение определенности осуществляется актом переоценки самого себя. Внутренний диалог сориентирован на внешний ценностный мир, культурную среду, и от того, как она

будет задана и от ее заданности образованием в широком смысле зависит общественный идеал, к которому стремится человек.

Образование — не только учебный процесс или профессиональное обучение, но в определенном смысле предназначение, то есть подготовка человека, лишенная практических целей [15], стремление к нравственному образцу. Не создавая в обществе культурный образ, мы обрекаем молодое поколение на хаотичное создание образцов, то есть на создание суррогатов. Следовательно, вначале человек формируется и только затем обучается.

Философский подход к образованию в духе традиции русской культуры — стремление к духовному идеалу, что предполагает возможность видеть в процессе образования процесс созидания духа, а это свидетельствует о наличии в этом процессе метафизического аспекта. Таким образом, в образовании как предопределении содержится соотношение микро- и макрокосмоса, выраженное в «зове предназначения» [16, с. 85].

Социализация в определенной мере — одна из сторон процесса образования человека через преодоление рискогенности социальной среды. В результате человек должен стать рискофилом и избавиться от своей инфантильности. Следовательно, социализация выражает общественную функцию образования, его социальный аспект. Таким образом, образование — это философская категория, обнаруживающая название сущего. Образование приоритетно по отношению к воспитанию и социализации, так как воспитание и социализация есть понятия по своему значению более узкие.

Важно в рамках поставленной темы обратиться к понятиям «цивилизация» и «философия образования». Цивилизация, цивилизационный феномен [16], в отличие от формации, есть иная трактовка исторического развития. Культурно-исторический тип цивилизации — итог развития человечества и результат социокультурного многообразия, не соответствующего универсализму западного подхода. Человечество, по Н. Я. Данилевскому, — это не совокупность однотипных индивидов. Такая совокупность всего лишь «абстракция, пустое понятие, а народ — конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею Человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое» [17, с. 6]. Таким образом, когда речь идет о человеке образованном, то подразумевается суверенный индивид, свободная и самостоятельная личность, а не кнехт (слуга).

Философия образования сосредоточена исключительно на концептуальных основаниях феномена «образования» в рамках определенной цивилизации. Она постоянно эволюционирует, отвечая на вызовы времени, но при этом ряд элементов существуют как константы. К ним относятся прежде всего универсальные и национальные компоненты сферы образования, формируемые триадой идеального в образовании. «Пути и методы духовного совершенствования в разных традициях обнаруживают много сходных черт, и это сходство, без сомнения, не случайное, а в своем роде упорядоченное, даже системное» [18, с. 386]. Отличия отражают особенности того или иного цивилизационного архетипа.

Архетип сосредоточен в светском либо религиозном идеале, достижимом или недостижимом, но заключенном в особой норме жизни человека [19, с. 30], обуславливает руководящий принцип становления, планку индивидуального бытия. Эти нормы отчетливо проявляются в культурной традиции, например российской и китайской культуры. При этом подчеркнем их главное различие, состоящее в том, что в китайской культуре «исконно отсутствует единое, сопоставимое с западным понятие души» [20, с. 114]. В то же время религиозность выражается иным, связанным с культурным контекстом способом [20, с. 114], где покорность Богу «заменяется» на покорность Небу [20, с. 119]. Человек образованный, то есть совершенный, в сравниваемых культурах находит свое сходство в понятии добродетели [20, с. 121]. В итоге человек, стремящийся к благу, двигается по схожему пути совершенства, а достигая его, становится человеком добродетельным, иными словами, образованным, по-китайски — благородным мужем. «Благородный муж заботится лишь о соблюдении морали; маленький человек помышляет лишь о земле. Благородный муж озабочен, как бы не нарушить закон; маленький человек помышляет лишь о милости» [21, с. 181]. Обе культуры ориентированы на нравственный образец, соединяющий высшие идеал и патриотизм как его практическое воплощение, то есть «путь к духу — есть путь моей родины; ее восхождение к духу и Богу есть мое восхождение» [22, с. 249]. В китайской традиции этот путь нравственного совершенствования, который определяется жертвенностью по отношению к своей земле и к своим предкам.

Следующий элемент триады — идеальная среда, представляемая как социальный гармоничный образец. [23, с. 581—583]. Здесь традиции различных цивилизаций сходятся на общине, предполагающей равенство и совместное стремление к единой нравственной цели. «Разве можно считать мудрым того, кто поселяется там, где не царит человеколюбие?» [21, с. 175]. Китайская образовательная традиция, как, впрочем, и русская религиозная, на первое место ставит человеколюбие [21, с. 176]. Любовь к ближнему есть основа духовного опыта [22, с. 118]. Таким образом, философы двух стран сходятся в главном — на любви к человеку, так как только «любящий человеколюбие — превыше всего, ненавидящий — напротив» [21, с. 175].

Важный аспект образования — его общественно-политический характер, обозначенный понятиями «система образования» и «институт образования». Система образования — наиболее распространенное словосочетание, на деле отражающее исторический компромисс индивидуального и коллективного, личного и общественного.

В нашем понимании система образования — это гармонизация образования с позиций интенциональной бесконечности, дают возможность духовному бытию человека в пространстве социального вступить «на путь постоянного обновления» [24, с. 105]. Государство, опираясь на запросы общества, инициирует обновление социального мира, опираясь на индивидуальные и групповые мотивации. Создается способ социальной коммуникации, основанный на институциональном и ценностном началах, в которых и заложены

основания рискогенности. Ее преодоление возможно путем переноса акцента на духовно-нравственные основы образования. Такой подход к способу бытия, на фоне «освоения бесконечного поля задач» [24, с. 105], и есть механизм перехода от идеального к социальному, от повседневного к научному, от личного к общественному.

Образование как общественный процесс представляет форму человеческой деятельности по освоению, передаче от одного поколения другому не только знаний, но прежде всего норм, ценностей, необходимых для сохранения социальной солидарности и взаимопонимания.

Образование как совокупность устойчивых социальных практик, порождаемых жизненными потребностями, представляет собой социальный институт, который рационализирует культуру повседневной жизни, что на самом деле есть «революционизирование всего культурно-творящего способа существования человечества» [24, с. 105]. Окультуренный новым типом образования человек мотивирует себя иначе, то есть установками более высокого порядка. Однако для того чтобы это произошло, то есть произошел прорыв к «систематизированному культурному образованию» [24, с. 104], необходима упорная деятельность, растянутая во времени и обращенная к преодолению самоограниченности. Именно такое образование, построенное на идеалах, может изменить общество, подчиняя практику повседневной жизни новым задачам. Огромную роль здесь играет национальная культура как набор позитивных стратегий и практик, наиболее полно в каждом своем компоненте раскрываемая как наиболее значимая ценность [11, с. 429].

Институциональный аспект образования обращает нас к процессу оприличивания, освоения культурных символов и социальных норм, то есть «институционализации». Ядром общества как системы является набор институтов: «Как порядок, он содержит ценности, а также дифференцированные и специфицированные нормы и правила, но только соотносимость с культурой придает им значимость и легитимность» [25, с. 102].

В процессе институционализации возникает проблема согласования нормативного и ценностного начал, что формирует пространство риска. Если исходить из проведенного анализа, можно утверждать, что условие преодоления рискогенности общества состоит в его гармонизации посредством образования, а значит закреплении в процессе институционализации приоритета ценностного начала.

Следует отметить, что в отличие от простых восприятий поведения в основу понимания должно быть положено различие акта сообщения и самой информации [26, с. 30]. Информация — основа повседневной коммуникации, способ современного познания мира. Обмен информацией предполагает наличие механизма достижения социального консенсуса, в котором важнейший элемент — образование. Нравственный аспект просвещения позволяет эмансипировать социально незащищенные слои населения и донести обществу их проблемы. В коммуникативном пространстве посредством языка формируется реальность, перераспределяются знания и незнания, солидаризируются

социальные группы. Вот почему коммуникация требует времени, влияя на долговременность институционализации.

Долговременность институционализации определяется динамикой социального взаимопонимания на личном и коллективном уровнях. «Любая форма социального взаимодействия зиждется на описанных конструктах, при помощи которых понимается «другой» и модель действий вообще» [27, с. 135]. Таким образом, понимание и толкование играют важную роль как в процессе социальной интеракции, так и в процессе институционализации.

Системы организации общества есть «системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [28, с. 18] на основе универсальных ценностей. Следовательно, в транзитивный период общества рациональные действия социальных акторов происходят на фоне поиска новых интерпретаций традиционных ценностей и преодоления отживших стереотипов. Преодоление стереотипов посредством образования неизменно связано с формированием приемлемых условий в ситуации бесконечно меняющихся дискурсов.

Процесс институционализации включает политическую, экономическую и культурную составляющие. Две первых составляющих исторически изменяются достаточно динамично, однако изменение системы символов, заключенных в так называемую культурно-образовательную составляющую, имеет длительный период, так как встречает серьезное препятствие в том числе в архетипических особенностях национальной культуры. С учетом этого А. Шюц, оценивая прошлое, точно подметил, что мы ведем себя «будто мир — это мой частный мир, игнорируя при этом факт того, что [с самого начала] он является intersubъективным миром культуры» [27, с. 129]. Исходя из этого, развитие сферы образования сопряжено не только с зарождением новой социальной модели, но и возникновением системных рисков [8], бесконечными колебаниями стабилизации — дестабилизации, а в итоге — поиска нового нормативного порядка.

Сфера образования как совокупность intersubъективных и intersubъективных установок, идентификации и функционирования исторической памяти в условиях транзитивности подвергается испытанию. Действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», на взгляд ученых, целесообразно дополнить положениями, ориентированными не только на обучение, но и на регулирование общественных отношений, развивающихся в условиях коммуникативного разума [29].

Обращаясь на основе проведенного исследования к анализу современной ситуации в образовании, констатируем, что глобализация принесла в российское общество идеал человека-потребителя. Новый идеал утверждает не только приоритет потребления, но и признает его ведущей отраслью экономики, которая задает тренды и в образовании. Образование приобретает новые ценностные характеристики и становится престижным только тогда, когда образовательные практики находятся в тренде современной моды. Человек становится интересным лишь как часть глобальной финансовой и производственной машины, а система современного высшего обра-

зования во многом способствует ориентации выпускника на существование в режиме фриланса. Жизненное пространство личности трансформируется и становится симбиозом сепарированной корпоративности и замещенной реальности.

Образование как общественное благо отходит от сформированных веками традиций и становится на службу интересов мощных экономических и финансовых групп. Эти интересы ориентированы на сиюминутный результат, приносящий сверхприбыль. Именно потому вместо образованности на передний план выдвигается обученность персонала, приносящая прибыль владельцу фирмы, а истинный смысл образования утрачивается. Идеал образования как услуги конфликтует с исторически существующими. Противоречия идеалов в общественном сознании дезинтегрируют общество, формируют амбивалентную образовательную культуру, насаждая такое явление, как «консюмеризм».

Феномен консюмеризма связан прежде всего с получением удовольствия от потребленной услуги. Желание построить общество по принципу производства, функционирующего бесперебойно и прибыльно, заставляет современных руководителей предприятий постоянно подогревать спрос, вызывая у потребителей желание жить только в условиях удовольствия, оплачивая все новые и новые услуги. Такая потребительская привычка отучает человека преодолевать трудности, то есть настраивает получать, в том числе образование, без усилий. В обществе навязываются все новые и новые удовольствия, лишаящие человека воли, трансформируя личность и заставляя ее бесконечно потреблять.

Таким образом, современная сфера образования идет по пути перерождения в коммерческую сферу, теряя свой настоящий гуманистический смысл, а потому ученик, студент, слушатель стремятся уйти от трудного пути. Это разрушает личность, ее интенциональные установки и волевые усилия, меняются даже профили подготовки в интересах, казалось бы, облегченных областей знаний, например гуманитарных. На этом фоне происходит примитивизация природных качеств личности, исчезает глубина ее развития, возрастает интерес к внешним формам, например условиям обучения. Все это приводит к деградации образовательных учреждений, ориентированных на потребительский спрос, так как желание клиента должно быть удовлетворено, то есть клиент должен получать удовольствие от обучения. Следовательно, ценности, принесенные глобализацией, выражаются в новой образовательной культуре, которая меняет внутреннее бытие человека.

Библиографический список

1. Устьянцев В.Б. Образовательное пространство общества риска // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире: сборник трудов Всероссийской научной конференции (Саратов, 2014 г.) / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2014.
2. Данилов С.А. Эксперты мира сего и политические стратегии глобального общества // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 1. С. 95–101.

3. Человек в поисках самоидентичности / А.С. Борщов, Д.И. Заров [и др.]; под ред. А.С. Борщова. Саратов, 2014.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. М., 1993.
5. Ручин В.А. Образование, воспитание и социализация: сходство и различие понятий // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. С. 35–41.
6. Листвина Е.В. Виртуальный аспект социкультурной ситуации // Виртуальное пространство культуры: сборник научных статей / под ред. Е.В. Листвиной. Саратов, 2008. С. 86–92.
7. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Предмет знания. Душа человека. М., 2000.
8. Устьянцев В.Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 165–170.
9. Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959.
10. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. / пер. Г. Шпет. М., 1959. Т. 4: Система наук. Ч. 1: Феноменология духа.
11. Сорокин П. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова; пер. с англ. М., 1992.
12. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
13. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1984. № 8. С. 142–149.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991.
15. Шелер М. Формы знания и образование // Человек. 1992. Вып. 4. С. 85–96.
16. Никонов В.А. Российская матрица. М., 2014.
17. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М., 2008.
18. Духовный опыт Китая / сост., пер. и коммент. В.В. Малявина. М., 2006.
19. Игумен Георгий (Шестун). Православная педагогика. 4-е изд. М., 2010.
20. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко [и др.]. 2007.
21. Лунь Юй // Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности и по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М., 2009.
22. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2006.
23. Федоров Н.Ф. Философия общего дела: в 4 т. М., 1997–1999.
24. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101–116.
25. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 94–122.
26. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / под ред. А.О. Бороноева. СПб., 1994. С. 25–42.
27. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 129–137.
28. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998.
29. Тетюев Л.И. Введение в теорию коммуникативного разума Юргена Хабермаса: текст лекций для магистров и аспирантов гуманитарного направления. Саратов, 2015.